

КОЛШАНСКИЙ Г. В.

О ЯЗЫКОВОМ МЕХАНИЗМЕ ПОРОЖДЕНИЯ ТЕКСТА

Мыслительная деятельность человека, направленная на познание окружающей действительности и реализуемая в социальном плане в пределах того или иного языкового коллектива, представляет собою непрерывный процесс адаптации человека к окружающему миру, т. е. овладение объективными закономерностями и использование их в процессе оптимальной организации жизненных условий человека. «Психическое как процесс, — пишет А. В. Брушлинский, — изначально и всегда является непрерывным в самом точном и глубоком смысле слова. Непрерывность психического объективно обусловлена его ведущей ролью в регуляции и саморегуляции деятельности людей (и поведения животных). Психическое изначально включено в непрерывное взаимодействие человека с миром, т. е. прежде всего в непрерывное взаимодействие субъекта с объектом, каковым в конечном счете потенциально является вся Вселенная» [1, с. 29].

Социальная направленность мыслительной деятельности реализуется прежде всего в языковой материи, которая является своеобразной средой, переносящей индивидуальные знания в коллективе и «переключающей», таким образом, мыслительную и производственную деятельность человека в общественную плоскость. Это положение является исходным как для психологического, так и для лингвистического описания речевого механизма.

Мышление, являющееся одновременно индивидуальным и общественным, закрепляется в языковой материи в виде результатов познания, осуществляемого путем формирования дискретных промежуточных единиц, которые образуют определенную формальную логическую структуру, адекватно воплощающую в себе акты бесконечного процесса познания. В индивидуальном плане речевой процесс представляет собой потенциально-бесконечную, но дискретно непрерывную форму воплощения мыслительного процесса человека, основанного на постоянной физиологической активности мозга. Речемыслительный процесс является одной из важнейших форм реакции человека на окружающий мир, причем такой реакцией, которая опирается не только на биологическую, но и на нейропсихологическую субстанцию, что обеспечивает переход от материального взаимодействия человека с миром к осознанно-психологическому.

Мышление как высшая форма отражения действительности в этом смысле может интерпретироваться как свойственная только человеку, т. е. форма опосредованного — идеального — взаимодействия с реальными объектами. Эта опосредованность проявляется в формировании чисто человеческих форм мышления в виде понятий, суждений и всех видов умозаключений, которые дают возможность человеку перерабатывать постоянно поступающую от мира информацию (первоначально в биологической и физиологической субстанции, а затем в нейропсихологической, однако в их неразрывном единстве). Согласно определению А. В. Брушлинского: «...на всех стадиях мышления (даже в случае ошибок) последнее закономерно формируется как непрерывный психический процесс именно в силу непрерывности познавательного взаимодействия человека с миром» [1, с. 33].

Говоря об особенностях мыслительной деятельности человека как высшей формы отражения действительности, в отличие от психических форм отражения действительности у животных, необходимо иметь в виду его принципиально качественное отличие, которое характеризуется образова-

нием абстрактных форм мышления в виде понятий, суждений и умозаключений, ни в коей мере не свойственных отражению действительности на уровне представления и образов у животных. Опосредованное взаимодействие человека и мира через мыслительные формы есть качественно иное взаимодействие, нежели психолого-физиологические формы взаимодействия рефлекторного порядка, свойственные животным. Высшая — понятийная — форма отражения действительности свойственна человеку и непосредственно связана с речевой деятельностью. Это создает особый ряд отношений человека и мира: «объект — деятельность — мысль — язык» в отличие от отношения, характеризующего взаимодействие высших животных с материальными предметами в ряду: «объект — действие — представление (образ)».

Непрерывность биологического и психологического взаимодействия человека с реальным миром может быть представлена как постоянный, но дискретный процесс языковой манифестации того или иного способа освоения мира, причем такой формы языковой реализации мышления, которая представляет собой постоянный и дискретный процесс речеобразования (как внутреннего, так и внешнего).

Характеристика человека не может быть дана только в биологическом (материальном) аспекте, но должна содержать в себе признак его духовной природы как свойства высшего биологического существа, способного в своем взаимодействии с окружающим миром создавать отражательный (идеальный), абстрактный (понятийный) образ этого мира.

С таких позиций представляется целесообразным рассматривать вопрос о том, как формируется непосредственно тот или иной «языковой блок», с помощью которого организуется речевое общение людей. Можно предполагать, что непрерывность и прерывность речемыслительного процесса есть не что иное, как процесс фиксирования и оценки соответствующего языкового феномена в плане адекватности выражения той или иной языковой конструкцией идеи (смысла), регулирующей человеческое поведение и ориентирующей на правильное (истинное) познание той или иной конкретной ситуации.

Жизнедеятельность человека, как уже говорилось, представляет собой постоянное взаимодействие человека с окружающей его средой. Это взаимодействие является источником познания и формирования плана действий, обеспечивающего человеку достижение той или иной практической (теоретической) цели на каждый данный момент его действий.

Формирование плана действий в конечном счете приобретает языковую форму (речь), которая как бы обнажает саму деятельность личности, приобщая таким образом личность к определенному обществу. С точки зрения языковой структуры образования адекватной речевой формы может мыслиться как непрерывный процесс порождения высказываний из структурно релевантных единиц более низкого порядка и их соединения в более крупные блоки, с помощью которых человек способен закрепить и выразить свои мысли, заключающие в себе в качестве компонентов интенции и цели действий. Решающим вопросом в описании такого механизма речеобразования является, безусловно, вопрос о формировании правильных высказываний как в грамматическом, так и в смысловом отношениях.

Каким образом формируются высказывания, выражающие определенную мысль человека, имея в виду чисто линейный характер развертывания речевой структуры? Существует ли парадокс, заключающийся в том, что речь выражает уже сформированный мыслительный акт, в котором скрывается сама загадка порождения мыслительного акта вне речи? Существует ли предварительная или даже другая форма реализации мысли, помимо вербальной формы? Ниже мы кратко изложим гипотезу о порождении текста, основывающуюся на том, что абстрактное мышление человека как высшая форма познания, свойственная в животном мире лишь Homo sapiens, неразрывно связана со словесным языком, присущим только человеку, осуществляется и реализуется в вербальной форме по правилам непрерывно дискретного движения речемыслительных единиц (понятий — слов, мыслей — высказываний, рассуждений — текстов).

На основе имеющихся данных можно полагать, что дискретный процесс текстообразования в вербальной коммуникации строится на принципе обратной связи, что и служит гарантией осуществления интенции говорящего и однозначности его восприятия в коммуникации. Можно себе представить этот процесс (моделируемый также и ЭВМ) как поиск по программе, сложившейся в человеческом мозгу на основе субъективно-социального опыта (в основе которого, возможно, лежит многослойный ассоциативный процесс), т. е. как процесс, построенный на принципе обратной связи, в котором выбор последующего элемента (слова, словосочетания, высказывания, его грамматической формы) детерминируется не жесткой цепью следования языковых единиц, а осмысленным выбором из ряда возможных элементов, из совокупности форм (системно организованной), которые по закону обратной связи признаются оптимальными в корреляции с реальной ситуацией. Например, фраза *Я сегодня иду в театр* может быть представлена в модели как результат многочисленных речемыслительных операций, начиная от первичного элемента субъекта я, выбор которого может быть определен как рефлексия на ситуацию, в которой действующее начало относится к отправителю текста, и последующим выбором на основе обратной связи таких элементов, как временное наречие *сегодня*, предикатный элемент *иду* и, наконец, обстоятельный признак *в театр*. Можно предполагать, что речевой акт является действительно речемыслительным, в котором каждая языковая единица выстраивается в мыслительный ряд, конституирующий цепь отражательных моментов сознания.

Известно, что принцип обратной связи получил свое обоснование первоначально в области нейрофизиологии животных и человека (П. К. Анохин) и промоделирован затем в электронно-вычислительных устройствах. Сравните высказывание А. Братко: «Введение П. К. Анохиным понятий „обратная афферентация“, „афферентный синтез“, „акцептор действия“, „универсальная модель интегративной деятельности мозга“ облегчило изучение деятельности мозга как замкнутой системы циркуляции информации» [2; ср. также 3—14].

Представляется целесообразным распространить понятие обратной связи и на способ речемыслительного процесса. Этот принцип нуждается в дальнейшей экспериментальной проверке в психологических наблюдениях речевых актов как в норме, так и в патологии, но он может рассматриваться уже сейчас как вариант материалистического обоснования процесса речеобразования.

Можно предполагать, что механизм обратной связи является частью или деталью всеобщей структуры сознательной деятельности человека, выступающей в виде процессов синтеза и анализа, которые характеризует вообще взаимодействие человека с миром. Как пишет А. В. Брушлинский: «Непрерывность мышления как процесса, обусловленная непрерывностью взаимодействия человека с познаваемым миром, обеспечивается специфическим психологическим механизмом мыслительной деятельности — анализом через синтез. Его суть, раскрываемая теорией психического как процесса, состоит в следующем: объект в процессе мышления включается во все новые связи и отношения и в силу этого выступает (объективно!) во все новых качествах, которые фиксируются в новых понятиях и понятийных характеристиках» [1, с. 31]. Анализ и синтез, на наш взгляд, и определяют как раз механизм обратной связи, действующий на уровне непосредственного формирования познавательных актов и речевых структур.

Этот принцип может разъяснить не только процесс речеобразования, который до сих пор рассматривался в виде кибернетического «черного ящика», но и в значительной степени может подкрепить положение об общественном характере языка.

Использование понятия «обратная связь» в речетворческом механизме не может рассматриваться в настоящее время как общепринятое положение на том основании, что перенос этого принципа из области биологии и психофизиологии в область абстрактной понятийной деятельности чело-

века не представляется бесспорным. Более того, мыслительная творческая деятельность человека вряд ли в целом может быть описана только на основе принципа механизма обратной связи, имея в виду, что такие виды деятельности, как интуиция, эвристические неосознаваемые и другие факторы, еще не поддаются строгому научному описанию. Именно на этом основании идея о приложимости способа обратной связи (как явления психологического порядка для животного мира) к речетворческой деятельности должна считаться предварительной гипотезой.

Принцип обратной связи соотносится и с деятельностью памяти, ибо фиксация какой-либо формы в этом процессе является непременным условием развертывания единиц языка. Такое явление особенно характерно для сложных единиц, т. е. для высказывания (предложения) и текста. Например, дистантность расположения членов глагольного сказуемого (вспомогательной формы и основного глагола), отстоящих друг от друга на значительном расстоянии во времени или пространстве, требует постоянного удерживания в памяти исходной формы, вокруг которой организуется синтагма. Показательным в этом плане является сложное предложение, в котором между главными членами предложения вклиниваются пространные подчиненные предложения.

Какой бы сложной ни была программа работы мозга по формированию речевого высказывания, она, видимо, базируется на постоянном поиске и проверке выбора той или иной единицы или той или иной грамматической формы из резервов оперативной или длительной памяти, в которой определенным образом (прежде всего по способу ассоциации) размещены лексические единицы и грамматические парадигмы. Интересно свидетельство А. Р. Лурия о нейрофизиологической стороне этого механизма: «Парадигматическая и синтагматическая организация речевого процесса, — пишет он, — обеспечивается различными мозговыми системами» [15, с. 15]. Разнообразие случаев афазии, детально исследованных в современной медицине [16], говорит именно о том, что речевой резерв человека находится всегда в упорядоченном состоянии по определенным группам (конкретное слово, абстрактное слово, собственное имя, глагол и т. д.), что делает возможным запрограммированный опытом человека выбор той или иной единицы в процессе образования высказывания, а также реализацию замысла говорящего адекватно условиям коммуникативной ситуации (мотив, цель, ситуация).

Действие программы формирования конкретного высказывания обеспечивается одновременно работой памяти, в которой параллельно откладываются уже найденные и отобранные единицы, включаемые в процесс речепроизводства в определенное время и в определенное место в линейной цепи речевых единиц.

Естественно, что место каждой единицы фиксируется благодаря непрерывному процессу обратной связи, управляющему построением корректного речевого акта. Механизм обратной связи с одновременным действием памяти наиболее наглядно может быть продемонстрирован типом структурирования тех языков, которые имеют аналитические формы (например, глаголы в немецком языке или сравнительно свободный порядок слов в русском и т. д.). Возьмем типичную фразу немецкого языка: «Mit den Ehrenbannern werden Betriebe, Institutionen und Einrichtungen, mit Ehrenurkunden und staatlichen Auszeichnungen Werk tätige und Arbeitskollektive aus der Industrie, dem Verkehrs, Nachrichten- und Bauwesen, dem Handel, den landwirtschaftlichen Produktionsgenossenschaften und der Land-, Forst- und Nahrungsgüterwirtschaft, den Institutionen und Einrichtungen der Wissenschaft, Kultur, Volksbildung und des Gesundheitswesens geehrt» (Neues Deutschland, 1981, 15. Juni). Дистанция между начальными словами, в которых помещается и вспомогательный глагол, и формой основного глагола (перфекта) исчисляется десятками словесных знаков. Тем не менее подобные фразы формируются и воспринимаются всегда однозначно, поскольку у коммуникантов удерживается в памяти весь набор конструкций.

Эти условия действительны для всех тех случаев, когда одно языко-

вое значение выражается аналитически группой слов, дистантно расположенных в рамках простого или сложного высказывания. Имеются в виду прежде всего такие случаи, как сложные формы глаголов, например, в немецком языке (перфект — футурум). Можно полагать, что выбор глагольной формы является одноразовым, несмотря на то, что во фразе сначала появляется, скажем, вспомогательный глагол, а перфектная форма через определенное количество слов. Дело в том, что форма *habe gesagt* при употреблении *habe* выносит в память форму *gesagt*, выбранную уже одновременно со вспомогательным глаголом. Обратная связь вряд ли действительна для *habe* и для *gesagt* отдельно. Нельзя считать возможным процесс, при котором значимая форма *gesagt* будет выбираться отдельно от вспомогательного глагола *habe*. Это обстоятельство еще раз говорит о том, что сложная форма глагола является единой, разнесенной лишь дистантно, но не формально и содержательно.

Взаимодействие механизма обратной связи и памяти является предпосылкой не просто создания корректных высказываний, но и однозначного смыслового наполнения каждой из них. В данном случае речь должна идти о неразрывной связи семантики (смысла) и языковой формы, ибо на основе обратной связи воспроизводится адекватно условиям вербальной коммуникации не сама по себе языковая форма, а форма, адекватно выражающая семантическую интенцию говорящего.

Возьмем русское предложение: «Современное производство требует, чтобы каждый работник ясно представлял себе свое место в трудовом процессе, знал, что и зачем он делает, что от него зависит, чувствовал, что его труд — необходимая часть общей работы» (Правда, 1981, 25 мая). Выбор предмета высказывания (в данном случае свойство, детерминированное предыдущей ситуацией в коммуникации), конкретизированного через определение *современное* и предварительно полученного через обратную связь, зафиксировано в памяти и создает начальное словосочетание в роли субъекта высказывания. Это по определению ведет к необходимости дальнейшего развертывания структуры через глагол *требует*, найденный для данной ситуации в результате некоторого перебора единиц из соответствующего глагольного поля и удерживаемый в качестве начала фразы в памяти. Постановка в качестве конечного элемента формы *работы* следует далее из всей синтагмы. Здесь важно напомнить, что взаимодействие памяти и механизма обратной связи имеет свои нейропсихологические закономерности и описано в соответствующей литературе в качестве гипотезы Ингве о глубине построения фраз с объемом 7 ± 2 узла. Биологические закономерности накладывают, разумеется, свои ограничения на способ организации речевой коммуникации в соответствии с возможностями восприятия мозга. Важно также подчеркнуть, что своеобразным детонатором речевого акта выступает потребность общения как элемент предметной деятельности человека, а само речеобразование поддерживается и стимулируется необходимостью передачи сообщения конкретному члену социума.

Обратная связь в логическом аспекте настраивается на информативное сообщение о соответствующем объекте — предмете коммуникации (предмете текста), психологическая же сторона коммуникации обращена к поведению партнеров в плане установления взаимопонимания. На основе взаимопонимания строится уже структура коммуникации как логически обоснованное рассуждение об определенном предмете (логическая обоснованность в данном случае является более широким понятием, чем такие его виды, как доказательство, объяснение и т. д.).

Непрерывный перебор языковых единиц как из класса номинантов (слов и словосочетаний), так и из класса коммуникативных единиц (высказываний) не может происходить нераздельно по уровням, например, путем сложения слов в словосочетания с последующим построением из них высказывания. Такой механизм процесса мало вероятен, потому что он лишен объединяющего начала — интенции, которая путем постоянной проверки на адекватность ситуации формируется человеком одновременно с учетом адекватности выбора номинативных единиц для достижения

основной цели общения — информации и взаимопонимания. Это обстоятельство может говорить также о том, что полноценной единицей общения, в пределах которой происходит заполнение элементами-кирпичиками цельного блока общения, является высказывание. Сам по себе замысел в виде определенной мысли формируется в процессе взаимодействия конкретного человека с конкретной ситуацией также по принципу обратной связи, поскольку адекватность формирования замысла определяет успех не только речевого общения, но и деятельности человека применительно каждый раз к конкретной ситуации. Более того, конкретная ситуация, в которой взаимодействует человек с окружающей средой (время, люди, события), в речевой трансформации представляет собой не что иное, как тот реальный контекст, в котором значащие единицы приобретают точное значение в их соотношении с отражаемыми объектами и ситуациями. Контекст в процессе речевого общения состоит соответственно из двух уровней — контекст материальный (совокупность объективных условий общения, включая всю предысторию — пресуппозицию соответствующей ситуации, объективно сохраняемую в памяти человека) и контекст языковой (речевой), который определяет выбор той или иной языковой единицы в тексте (высказывании). Нельзя упускать из виду именно это важнейшее обстоятельство, которое полностью соответствует характеру взаимодействия человека с миром и является предпосылкой адекватности отражения в речемыслительной деятельности объективных событий. А. В. Брушлинский считает, что «в ходе непрерывного взаимодействия с объектом человек в процессе мышления оперирует не с самими по себе понятиями, словами, знаками, символами, значениями, смыслами и т. д., а именно с объектом, определяемым в понятиях, т. е. выступающим в разных качествах по мере его включения в разные системы связей и отношений» [1, с. 36].

Например, простейшая фраза *Я болен* в реальном контексте общения (например, при ответе на вопрос *Будете ли Вы сегодня на работе?*) вмещает в себе, во-первых, информацию о физическом состоянии человека, что является результатом образования данной фразы на основе элементарного выбора языковой единицы, которая адекватно выражает некоторую реальную ситуацию (болезнь человека), и, во-вторых, результатом перебора всех условий, которые связаны с информацией, заключенной в этой фразе (по принятым в данном коллективе нормам болезнь является категорическим условием, разрешающим отсутствовать на работе). Все эти моменты, вместе взятые, составляют ту необходимую совокупность объективных и субъективных условий, которые в процессе непрерывной проверки через обратную связь на адекватность взаимодействия человека с реальной ситуацией обеспечивают содержательно-полноценное и в идеале адекватное взаимодействие человека с реальным миром, с одной стороны, и взаимопонимание людей с помощью вербального общения — с другой.

Корректность языковых единиц в самом речевом процессе устанавливается, как и вся речемыслительная деятельность, на основе проверки через обратную связь правильности выбора той или иной языковой формы (слово, падеж, морфема, грамматическая форма и т. д.). Можно предположить, что этот выбор при линейном развертывании самого высказывания целиком опирается на парадигматическую основу языка. В линейном процессе, т. е. в синтаксической структуре, сцепляются языковые формы, которые говорящим выверяются и выбираются на основе определенного запаса языковых знаний (компетентности), что обеспечивает ему владение языком. Например, постановка в каком-либо месте высказывания (в начале, в середине или в конце) имени в именительном падеже в русском языке требует неизбежно такой личной формы глагола, которая соответствовала бы формам лица и числа исходного имени — подлежащего. Использование глагола в такой форме возможно лишь при условии, что коммуникант, имея в запасе весь парадигматический набор глагольных форм, присоединяет к подлежащему глагол именно в той форме, которая диктуется его парадигматическим статусом в данном синтагмати-

ческом контексте. Совершенно очевидно, что такой процесс протекает почти синхронно и не поддается в настоящее время какому-либо психологическому анализу. Тем не менее одновременное участие синтагматики и парадигматики в лексико-грамматическом оформлении высказывания подтверждается самим характером постоянной обратной связи языка, действующей в горизонтальной и вертикальной плоскостях.

Пересечение синтагматики и парадигматики в структуре высказывания порождает и многоуровневость самого высказывания, в котором, наряду с линейной зависимостью форм, образуется такая иерархия, в которой отдельные члены обладают зависимостью объектного характера (например, отношение атрибутивных членов группы субъекта и опосредованное отношение через субъект с предикатом обособленной конструкции, отношения предикаций в структуре сложноподчиненного предложения и т. д.) и создают картину многоуровневого синтаксиса языка.

Сложное взаимодействие синтагматических и парадигматических отношений, восходящих к системно-структурной организации языка, каждый раз находят отражение в образовании конкретного высказывания. Оно является для коммуникантов определенной языковой базой, благодаря которой осуществляется как индивидуальный акт общения, так и весь многозвенный акт общения в коллективе в целом.

К изложенной гипотезе имеет прямое отношение и положение об опережающем отражении действительности, разработанное в советской науке главным образом Д. Н. Узнадзе и П. К. Анохиным [17]. Согласно этой концепции предполагается, что человек (вообще все виды живых существ) обладает способностью на основе врожденного и приобретенного опыта предвидеть развитие ситуативных обстоятельств и настраиваться на определенную реакцию с некоторым упреждением вероятностного хода событий [18, 19].

При переходе к речевой деятельности эта общая установка реализуется в виде предварительного программирования, составления некоторой общей схемы развития мысли, а следовательно, и ее речевого оформления. Предполагается в этом случае, что говорящий имеет план построения определенной смысловой линии, которая обязывает к выбору определенных языковых средств. Другими словами, «смысловое предвосхищение подчиняет себе все языковые гипотезы, ограничивая число их вариантов и облегчая предвосхищение на вербальном уровне» [19, с. 26].

Если и соглашаться с психологами в том, что первоначально человек имеет уже представление о будущей конкретной мысли, облакаемой в конкретное высказывание (хотя это представление можно назвать еще только общей или предварительной программой, причем эта программа предусматривает развертывание соответствующего высказывания тем способом, который был уже предвосхищен), то и в данном случае остается открытым вопрос о полной реализации опережающего замысла в речевой форме. Предполагать, что предвосхищение определяет целиком конкретное высказывание, значит снимать сам процесс рационального мышления и вербального механизма осуществления данного процесса в коммуникации.¹ Дело в том, что именно построение самой фразы, другими словами, корректное языковое оформление соответствующей мысли, может строиться на той базе, которая была изложена нами выше, а именно, на базе обратной связи [постоянной динамической проверки соответствия запрограммированной (предвосхищенной) мысли ее адекватной языковой организации]. Именно снятие всевозможных вероятностей выбора тех или иных языковых средств и составляет процесс речевой деятельности и он может протекать как развертывание текста на основе обратной связи.

Когда говорят, что «еще до начала предложения есть представление о некоторой структуре будущего предложения, о его сочетательной схеме, и она в не меньшей степени „обязывает“ его к произнесению определенных слов еще до того, как произнесено первое из них» [19, с. 26], то это надо понимать так, что развертывание этой схемы, например, построение сложного предложения или простого, выбор словосочетания составляет творческий процесс, а не простую выдачу готовых языковых блоков.

Даже простая мысль с предвосхищенной общей схемой *Я пойду сегодня в театр* в соответствии с обстоятельствами может быть развернута за счет различных дополнительных членов предложения и типов связи внутри его (*Я пойду сегодня в театр на новую оперу; Я пойду сегодня в театр на новую оперу, так как хочу послушать нового певца* и т. д.).

В этом плане положение об опережающем отражении действительности или, более конкретно, о предвосхищении каждый раз смысла и языковой формы текста как первый этап или первая фаза мыслительной деятельности должно быть дополнено вторым этапом, а именно, этапом непосредственного вербального развертывания мысли, которое не уместается в общую схему предвосхищения, а реализуется в непрерывной динамике, проверке на адекватность выбора языковых средств и выражаемой мысли.

Действие механизма обратной связи в речетворчестве опирается на законы, свойственные всему материальному объективному миру, поскольку непрерывный отражательный процесс, участвующий в создании осмысленной и адекватной реальной ситуации текстов, проходит в постоянном взаимодействии говорящего субъекта с объективными условиями, определяющими характер вербальной коммуникации. Это взаимодействие есть непрерывный процесс регулирования и проверки языковой организации текста (сообщения) с целью правильности отражения в речевой структуре объективных фактов, явлений, событий. Именно этот процесс дает возможность избежать интерпретации речевой деятельности человека как имманентно заданной особой духовной силы человека (в диапазоне от мистической спонтанности речи до понятия врожденных идей).

Изложенная в данной статье гипотеза о языковом механизме порождения речи в какой-то степени может объяснять сам процесс образования конкретных языковых единиц (высказываний, текста), однако в связи с тем, что при исследовании языка наука имеет дело, как правило, лишь с результатами речевой деятельности (произнесенный или записанный текст), возникшая в истории языкознания и психологии идея «черного ящика» (свидетельствующая скорее о пессимизме, нежели о надежде в ближайшее время раскрыть внутренний механизм речеобразования) может долго оставаться гипотезой, пока объективные исследования, включая экспериментальные и инструментальные, не приоткроют завесы над механизмом творческой речемыслительной деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брушлинский А. В. Мышление как процесс и проблема деятельности. — Вопросы психологии, 1982, № 2.
2. Братко А. А., Кочергин А. Н. Информация и психика. Новосибирск, 1977.
3. Анохин П. К. Методологическое значение кибернетических закономерностей. — В кн.: Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., 1968.
4. Анохин П. К. Кибернетика и интегративная деятельность мозга. — Вопросы психологии, 1966, № 3.
5. Амосов Н. М. Мышление и информация. — В кн.: Проблемы мышления в современной науке. М., 1964.
6. Вулдридж Д. Механизмы мозга. М., 1965.
7. Давыдов В. В. Анализ структуры мыслительного акта. Сообщение I. — Доклады АПН РСФСР, 1960, № 2.
8. Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. М., 1971.
9. Земан И. Познание и информация. Гносеологические проблемы кибернетики. М., 1966.
10. Земан И. Проблемы мышления в современной науке. М., 1964.
11. Радченко А. Н. Моделирование основных механизмов мозга. Л., 1968.
12. Рейман У. Познание и мышление. Моделирование на уровне информационных процессов. М., 1968.
13. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972.
14. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969.
15. Лурия А. Р. О двух основных классах афазических нарушений речи. — В кн.: Проблемы афазии и восстановительного обучения. М., 1975.
16. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.
17. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М., 1980.
18. Зимняя И. А. Опережающее отражение в речевом поведении. — ИЯВШ, 1974, вып. 8.
19. Левашов А. С. Предвосхищение в речевой деятельности. — ИЯВШ, 1982, вып. 17.